

Архив МВД Грузии

ОМАР ТУШУРАШВИЛИ, ВЛАДИМИР ЛУАРСАБИШВИЛИ

Большой террор в Грузинской ССР: документы и размышления

The Great Terror in Georgian SSR: Documents and Reflection

РЕЗЮМЕ

В статье описывается организация и проведения Большого террора в Грузинской ССР. На основе документов хранящихся в фондах Архива МВД Грузии, в работе исследуется механизм и методика проведения террора. Особый исторический интерес представляют показания бывших работников НКВД ГССР, которые были репрессированы на заключительном этапе террора. Статья завершается выводами исследуемого вопроса.

Ключевые слова: большой террор; Грузинская ССР; НКВД; механизм и методика террора

У чекиста есть только два пути –
на выдвижение или в тюрьму.

И. Сталин

Если докажется, что я мерзавец, то не садите, а уничтожьте.
Врагов надо уничтожать.

Из письма арестованного оперуполномоченного
4-го отделения НКВД Абхазской АССР Григориади

ВВЕДЕНИЕ. КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ТОТАЛИТАРНЫХ СИСТЕМ. БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

Изучению разных государственных систем, существующих на протяжении XX вв., посвящены многочисленные исследования, среди которых особое место занимает штудирование тоталитарных систем¹. Термин «тоталитарный» используют для обозначения трех прототипных режимов: советского, фашистского и нацистского, а также тех правлений, которые сформировались как их подражания: народные демократии в странах Западной Европы с 1948 г., Китай с 1949 г. и Куба с 1959 г.² Несмотря на то, что тоталитарные государства, так же как и их обозначающий термин, сформировались в прошлом столетии, человечество начало рассуждать о возможных способах обустройства стран с давних пор. Аристотель выделил разные типы правления, о *тирании* рассуждали Гоббс³ и Монтескье⁴. Именно *тирания* является максимально выраженным феноменом в тоталитарном государстве. Она приобрела особое значение в годы сталинизма, когда страной руководил вождь, имеющий все характерные черты тирана. Главная из них – единоличное правление, что означает лишение прав и полное угнетение как личного окружения, так и рядовых членов общества. Именно это является одним из основных характеристик Большого террора, оно детально будет рассмотрено ниже.

Несмотря на конкретный контингент лиц, подвергшихся репрессиям по приказу НКВД СССР №00447, Сталин направил вектор террора на каждого советского гражданина, вне зависимости от его номенклатурного, партийного или профессионального положения в обществе, тогда как в гитлеровской Германии репрессии проводились против евреев, лиц славянской национальности, гомосексуалов, коммунистов, социалистов, анархистов и активистов профсоюза⁵. Левин и Кершоу объясняют это тем, что культ

---

¹ E. Jünger, *Die totale Mobilmachung*, Berlin 1931; Z. Brzezinski, *Totalitarianism and rationality*, "American Political Science Review" 1956, No. 50, c. 751–763; R. Aron, *Democracia y totalitarismo*, Barcelona 1968; L. Schapiro, *Totalitarianism*, London 1972; L. Preti, *El desafío entre democracia y totalitarismo: evolución de los regimens políticos desde el final de la Primera Guerra Mundial hasta los añosochenta*, Barcelona 1983; H. Arendt, *Ideology and terror: A novel form of government*, "Review of Politics" 2006, Vol. 15, c. 303–327; *Totalitarianism and Political Religions*, eds. H. Maier, M. Schäfer, London – New York 2007; *Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared*, eds. M. Geyer, S. Fitzpatrick, New York 2008; H. Kohn, *Communist and fascist dictatorship: A comparative study*, [в:] *Dictatorship in the Modern World*, ed. G.S. Ford, Minneapolis 1935, c. 141–160.

² E. González Calleja, *Los totalitarismos. Editorial Sintesis*, Madrid 2012, c. 9.

³ Г. Гоббс, *Сочинения*, в 2 т., Москва 1991.

⁴ L. Althusser, *Politics and History: Montesquieu, Rousseau, Marx*, London – New York 1972.

⁵ Д. Рейфильд, *Сталин и его подручные*, Москва 2008, с. 9; S. Courtois, N. Werth, J.-L.

личности Гитлера складывался уже с 1925 г., тогда как Сталин находился в тени беспрецедентного авторитета Ленина и начал создавать собственный культ уже после гибели последнего⁶. Отличие *тирании* от *авторитарного правления* заключается в том, что тиран правит сообразно собственным интересам, желаниям и психическому настрою, а основой авторитарного правления является «некая сила, высшая или внешняя по отношению к его собственной власти»⁷, то есть законы. Политическая философия в Древней Греции кристаллизовалась в сочинениях Платона и Аристотеля, которые точку опоры абсолютной власти видели именно в тирании – тиран правил насилием, нуждался в защите от собственного народа и оставлял себе заботу об общественном порядке. Формула полностью совпадает с основными характеристиками сталинизма – во время всего правления вождь утверждал террор как инструмент правления, от сограждан защищался полицейским режимом (ГПУ-ОГПУ-НКВД) и являлся единоличным режиссером общественной жизни страны.

Однако уже в Древней Греции тираническое правление было неприемлемо, так как если полис принадлежал одному человеку, как страна Сталину, то это был уже не полис. Именно поэтому Платон предлагал правителем царя-философа, стараясь таким образом предотвратить конфликт между полисом и философом, хотя последний мог иметь стремление править ради философии, а не во имя полиса или политики⁸. То, что конфликт между полисом и свободомыслием возможен, стало наглядным при сталинизме. Достаточно ознакомиться с интересной статьей профессора Поля Грегори о первой депортации интеллектуалов на самой заре большевистского правления⁹ и плановом истреблении, преследовании и уничтожении советской интеллигенции вплоть до перестройки (концом которого можно обозначить освобождение А. Сахарова из горьковской ссылки в декабре 1986 г. и разрешение на возвращение на родину, выданное А. Солженицыну в мае 1994 г.). То, что философ-царь будет править себе в угоду и мало чем будет отличаться от тирана, отмечал еще Аристотель, с ним позднее согласился и Кант, считая, что обладающий властью человек не может иметь свободное суждение¹⁰. Действительно, биографы Сталина указывали на разные решения, которые

Panné [et al.], *Le livre Noir du Communisme: Crimes, terreur, répression*, Éditions Robert Laffont, 1997, с. 22.

⁶ I. Kershaw, M. Lewin, “Afterthoughts”, *Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison*, Cambridge 1997, DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511815775.016>.

⁷ Х. Арендт, *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли*, Москва 2014, с. 146.

⁸ *Ibidem*, с. 163.

⁹ P. Gregory, *The ship of philosophers. How the Early USSR dealt with Dissident Intellectuals*, “The Independent Review” 2009, Vol. 13, No. 4.

¹⁰ И. Кант, *Сочинения*, в 6 т., Москва 1966.

вождь принимал с целью укрепления власти¹¹. Однако самым эффективным инструментом единовластия в сталинском государстве был террор.

Советский союз имел все признаки тоталитарного государства. Среди них следует отметить:

- наличие масс, которые готовы стать частью политической организации¹²,
- отказ от понятия большинства, парламентской системы и методов конституционного регулирования государства¹³,
- идеологические предпосылки, такие как антилиберализм, антиобразованность, антипозитивизм, антимарксизм и антисоциализм¹⁴,
- наличие официальной, полурелигиозной идеологии, касающейся всех сфер существования индивида и его социальной активности, а также наличие единственной политической партии, которая структурирована иерархически и является составной частью бюрократического аппарата страны¹⁵,
- монополия контроля экономических, культурных и социальных общественных аспектов, а также использование террора, системы концентрационных лагерей и политической полиции¹⁶.

Большой террор (термин в советской историографии впервые применил Роберт Коквест) не был первым массовым репрессивным инструментом, использованным большевиками против собственного населения. Более того, террор в России имел предпосылки еще до установления советского правления. Достаточно вспомнить формирования специальной службы в 1565–1572 гг. – *Опричины*, для выполнения особо важных задач и ведения государственного террора. В конце 19-го вв. в рамках Министерства внутренних дел была сформирована *Охранное отделение*, в просторечии *Охранка*, носящая функции обеспечения безопасности. Лишь 20 декабря 1920 г., под руководством Феликса Дзержинского, была создана Чрезвычайная комиссия – ЧК, которая была переименована в Государственное политическое управление – ГПУ (6 февраля 1922 г.), через год – в Объединенное государственное политическое управление – ОГПУ и, наконец, в Народный комиссариат внутренних дел – НКВД (10 июля 1934 г.). Именно НКВД провел тот неопи-

---

¹¹ S. Montefiore, *Stalin: The Court of the Red Tsar*, London 2003; S. Kotkin, *Stalin*, New York 2014.

¹² H. Arendt, *Los orígenes del totalitarismo*, Madrid 1974/1998, с. 287.

¹³ H. Meier, *Totalitarianism and Political Religions*, Vol. 1: *Concepts for the Comparison of Dictatorship*, London – New York 2007, с. 11.

¹⁴ E. González Calleja, *op. cit.*, с. 11.

¹⁵ Friedrich and Brzezinski, *apud* E. González Calleja, *op. cit.*, с. 19–20.

¹⁶ Michael Curtis, *apud* E. González Calleja, *op. cit.*, с. 20.

сuemый по масштабам террор, количество жертв которого до сегодняшнего дня по-разному подсчитывают представители разных исторических школ¹⁷.

В большевистской России террор имел волнообразный характер. Каждая новая волна накатывалась при определенных внутренних или внешних условиях и преследовала конкретную цель. Опорной точкой мышления при планировании и проведении репрессий было допущение, что «все возможно – а не просто позволено», как указывает известный ученый тоталитарных систем Ханна Арендт:

В своих исследованиях тоталитаризма я пыталась показать, что феномен тоталитарного правления с его поразительными антиутилитарными чертами и странным пренебрежением к фактам основывается, в конечном счете, на убеждении, что все возможно – а не просто позволено, как это было в мировоззрении раннего нигилизма. Тоталитарные системы в целом доказывают, что можно действовать, основываясь на любой гипотезе, и что в ходе внутренне согласованных действий эта гипотеза станет истиной, превратится в подлинную, фактическую действительность. Предпосылка, стоящая за внутренне согласованным действием, может быть сколь угодно безумной; в конце концов, она все равно приведет к появлению фактов, которые станут «объективно» истинными. То, что изначально было лишь гипотезой, требующей доказательства или опровержения фактами, в ходе внутренне согласованных действий обязательно превратится в факт, который никогда уже не будет опровергнут¹⁸.

Действительно, не существовало каких-либо конкретных предпосылок ни для осуществления политики раскулачивания в 1930–1932 гг., когда было репрессировано до 2 млн человек¹⁹ (жертвой коллективизации стали 8.5 млн человек)²⁰, ни для внутривнутрипартийной чистки так называемых «классовых врагов» – 400.000 человек исключили из партии только в 1933 г.²¹, или антибюрократической кампании 1935–1937 годов и московских процессов (август 1936 г., январь 1937 г. и март 1938 г.)²². Особенно, не было конкретного повода для проведения самой большой и беспощадной чистки – Большого террора в 1937–1938 гг.

Большой террор, как комплексное явление сталинизма, следует изучать в сравнительном разрезе, с трех точек зрения: количества жертв репрессированных, достигнутой цели и сравнения с преследованием разных контингентов лиц в других тоталитарных странах.

¹⁷ R. Conquest, *El gran terror (Las purgas stalinistas de los años treinta)*, Barcelona 1974; S. Fitzpatrick, *The Russian Revolution. 1917–1932*, New York 1979; S. Courtois, N. Werth, J.-L. Panné [et al.], *op. cit.*

¹⁸ X. Арендт, *Между прошлым и будущим...*, с. 134.

¹⁹ В. Земсков, *Кулацкая ссылка в 30-е годы*, «Социологические исследования» 1991, №10.

²⁰ E. Mawdsley, *The Stalin Years. The Soviet Union 1923–1953*, Manchester – New York 1998.

²¹ A. Fernández García, *Auge y caída del comunismo*, «Cuadernos de Historia Contemporánea» 1999, núm. 21.

²² «*Nueva luz sobre los procesos de Moscú*». *Appéndice*, [в:] W. Laqueur, *Stalin. Revelaciones*, Buenos Aires 1991.

Выше было отмечено, что в отличие от фашистского режима, который в основном терроризировал немечское общество, сталинский полицейский орган – НКВД проводил репрессии внутри страны. В частности, с весны 1937 г. до осени 1938 г. жертвами ежовщины стали члены политбюро и служащие НКВД²³, дипломаты, военные, интеллигенция и священнослужители²⁴. Провести чистку в рядах сотрудников НКВД было делом первоочередной важности, так как именно этот орган, с обновленным кадровым составом, должен был репрессировать разные слои общества. Политика нового руководителя НКВД – Николая Ежова, которого Сталин назначил после ареста Генриха Ягоды, была разносторонней. Снимая с постов заслуженных чекистов, некоторых он расстреливал, других высылал в далекие регионы страны. Многие сотрудники кончали жизнь самоубийством, например, глава подмосковного НКВД Василий Каруцкий, член секретно-политического отдела И.В.Штейн, комиссар государственной безопасности третьего ранга Владимир Курский, заведующий отделом НКВД в Горьком Матвей Погребинский, заместитель руководителя контрразведки Леонид Черток. Особо сообразительные сотрудники убегали (Генрих Люшков перешел маньчжурскую границу), или инсценировали самоубийство (комиссар украинского НКВД Александр Успенский). Ежов арестовал 90 из 110 высокопоставленных чекистов, расстреляв большинство из них; дополнительно арестовали 2273 чекиста и уволили 11.000²⁵. Примечательно, что при чистке больше всего пострадали сотрудники еврейской национальности, а также имевшие связи с Германией и другими пограничными государствами. Если в НКВД под руководством Ягоды из 110 кадровых офицеров лишь 42 были русскими, то к сентябрю 1938 г. из 150 офицеров русских насчитывалось уже 98, а евреев – 32²⁶.

Однако, сравнивая смежные режимы, следует помнить и об особых слоях немецкого общества, репрессированных Гитлером. Здесь в первую очередь необходимо вспомнить «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г., репрессии душевнобольных, калек и лиц преклонного возраста – жертв эвтаназии, проведенной в конце 1939 и начале 1941 г., 35.000 лиц, посланных для выполнения принудительных работ в концентрационных лагерях²⁷. Наряду с ними фашисты умертвили 15 млн гражданских лиц в завоеванных ими странах, 5.1 млн евреев, 3.3 млн советских военнопленных, 1.1 млн пересе-

²³ Д. Рейфильд, *op. cit.*, с. 316.

²⁴ S. Courtois, N. Werth, J.-L. Panné [et al.], *op. cit.*, с. 191–192.

²⁵ Д. Рейфильд, *op. cit.*, с. 328–329.

²⁶ *Ibidem*, с. 329. Когда Ежова сменил Лаврентий Берия, то число русских сотрудников возросло до 122, а евреев сократилось до 6.

²⁷ S. Courtois, N. Werth, J.-L. Panné [et al.], *op. cit.*, с. 22.

ленцев и сотен тысяч цыган²⁸. Несмотря на приведенные ужасающие цифры, Большой террор поражает не только своим масштабом, но и общим количеством жертв. В частности, в 1937–1938 гг. НКВД арестовал 1.575.000 лиц, из них к 1.345.000 (85.4%) были применены разные меры наказания, а больше половины (681.692 человек, 51% всех осужденных) было расстреляно²⁹. Большое количество подозреваемых в короткий срок превращалось в осужденных, так как правосудие осуществлялось несудебным методом, с помощью т.н. *троек*.

Особый интерес вызывает репрессирование партийной номенклатуры. Так, из 1966 делегатов XVII съезда коммунистической партии было репрессировано 1108, а также 72 комсомольских лидера, 319 (из 385) районных и 2210 (из 2750) областных секретарей. Только в Ленинграде исключили из партии и репрессировали свыше 90% партийных работников³⁰, а из 200 членов компартии Украины уцелели лишь 3³¹.

Что касается результатов Большого террора, то они обеспечили достижение цели, которую преследовало сталинское правление. Это выразилось в формировании новой гражданской и военной бюрократии, готовой выполнить любое задание вождя и в окончательном искоренении т.н. *социально опасных элементов*, неугодных тоталитарной системе.

Примечательно, что осуществлению Большого террора способствовало одно немаловажное обстоятельство: Сталин, вынашивая идею и воплощая в жизнь массовое уничтожение потенциально опасного контингента лиц, не нуждался в компромиссах; иными словами, в тоталитарной советской стране не было силы, которая могла бы противостоять масштабному преследованию граждан и способствовать объединению общественности: к середине 30-х годов церковь была разрушена, Красная Армия подчинялась верховному главнокомандующему и испытывала недостаток в моральном авторитете военного руководства, интеллигенция была выслана, или пребывала во внутренней эмиграции, а население находилось под волнами террора, предшествующими большой чистке 1937–1938 гг.³²

С мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. репрессии проводились и в Красной Армии. Видные советские военные деятели Михаил Тухачевский, Иона Якир, Иероним Уборевич, Август Корк, Роберт Эйдеман, Борис Фельдман, Вита-

²⁸ *Ibidem*, с. 22.

²⁹ *Ibidem*, с. 185. В специальной литературе отмечается разное количество расстрелянных и сосланных, например, согласно Рейфильду (*op. cit.*, с. 315), было расстреляно 750.000, а выслано 1.5 млн.; по данным González Calleja (*op. cit.*, с. 70), только в 1937–1938 гг. было расстреляно 680.000.

³⁰ S. Courtois, N. Werth, J.-L. Panné [et al.], *op. cit.*, с. 186.

³¹ *Ibidem*, с. 187.

³² Д. Рейфильд, *op. cit.*, с. 316.

лий Примаков и Витовт Путна были обвинены в шпионаже в пользу Германии. Еще один подозреваемый – Ян Гамарник, будучи больным, застрелился до ареста. Для того, чтобы придумать подобный сценарий сотрудники НКВД не прибегали к особой фантазии – в течение пятнадцати лет советские военные имели тесные контакты с немецкими коллегами, совершенствуя вопросы тактики и работая над развитием военной техники. Особое внимание уделялось развитию тактики танкового блицкрига, предоставляя немцам полигоны и базы взамен доступа к специальной технике для производства высококачественной продукции. Это был не первый случай сотрудничества советской власти с фашистским правительством – достаточно вспомнить торги с Муссолини по минным тральщикам для возмещения потери флота в 20-х годах. Вместе с указанными военными деятелями были репрессированы 35.020 старших офицеров, из них 90% были представители генералитета, 20.000–35.000 офицеров армии и 5.000–6.000 офицеров флота. Высшей мере наказания подверглись 3 маршала (из 5), 14 главнокомандующих (из 16), 8 адмиралов, 136 руководителей дивизий (из 199) и 221 руководитель бригады (из 397)³³. Уволили 90 комкоров, из которых в живых остались 6, а из 180 дивизионных командиров выжили 36³⁴.

Примечательно, что в отличие от Сталина, Гитлер более осторожно относился и учитывал мнение как руководителей немецкой армии, так и немецких капиталистов³⁵.

Наконец, для сравнительного изучения интересно подсчитать количество репрессированных в других тоталитарных странах. Если в СССР приблизительное количество жертв системы (не только во время Большого террора, но и за весь 70-летний период) составляет 20 млн человек, то в Китае – 65 млн, во Вьетнаме – 1 млн, в Северной Корее – 2 млн, в Камбодже – 2 млн, в Восточной Европе – 1 млн, в странах Латинской Америки – 150.000, в Африке – 1.7 млн, в Афганистане – 1.5 млн, а в результате функционирования интернационального коммунистического движения и коммунистических организаций, находящихся вне власти – 10.000³⁶.

ТЕРРОР В ГРУЗИНСКОЙ ССР: МЕХАНИЗМ И МЕТОДИКА

Одним из факторов, способствующих осмыслению сущности террора, является всестороннее изучение форм и методов его осуществления. С этой точки зрения важным элементом является детальное изучение ра-

³³ E. González Calleja, *op. cit.*, с. 72.

³⁴ Д. Рейфильд, *op. cit.*, с. 350.

³⁵ *Ibidem*, с. 9.

³⁶ S. Courtois, N. Werth, J.-L. Panné [et al.], *op. cit.*, с. 13.

боты сотрудников НКВД. Попытка восстановить расписание рабочего дня следователя может оказаться эффективным инструментом для объяснения приемов, применяемых при репрессиях. В этом плане источником богатой и уникальной информации служат материалы, хранящиеся в фондах Архива МВД Грузии.

Согласно приказу наркома Ежова, Большой террор должен был занять конкретный и сжатый четырехмесячный срок. Однако, исходя из масштабов операции и количества лиц, которых она охватывала, срок проведения репрессии пришлось продлить. Но несмотря и на это, органы НКВД физически не справлялись с большим контингентом лиц, подвергшихся гонениям. С целью быстрее рассмотрения следственных материалов был издан приказ НКВД СССР №00606 о создании *Особой тройки*, которая должна была рассмотреть дела лиц, арестованных до 1 августа 1938 г., за исключением дел иностранных подданных. К тому же недостаточным было и количество сотрудников, которые в минимальные сроки расследовали несуществующие, вымышленные дела. Большинство следователей было мобилизовано из разных структур НКВД; как правило, эти сотрудники не имели опыта и практики следственной работы. Таким был, к примеру, лейтенант госбезопасности Ашот Асланов, оперуполномоченный спецотдела НКВД ГССР. Он руководил шифрогруппой, проводил инструктаж и обследовал секретно-мобилизационные органы государственных учреждений и предприятий³⁷. Принимая во внимание то обстоятельство, что зачастую желаемые показания приходилось получать от невиновных лиц, понятны спешки и рабочие нагрузки, которые приводили к ненормированному рабочему дню сотрудников НКВД.

При реконструкции одного рабочего дня рядового следователя мы опирались на архивные материалы наших фондов. В этой связи интерес представляют случаи расследований после смерти Сталина. Новое советское правительство, маскируясь под вид критики культа личности, преследовало цель скрыть ту часть незаконностей, которую само же осуществляло при сталинизме. Обвиняя в социальной беззаконности Сталина, Берию и горстку их сторонников, в основном высокопоставленных чекистов, члены Политбюро старательно скрывали львиную долю собственных стараний при проведении и «успешном осуществлении» террора.

Для того чтобы иметь положительную статистику ведения, раскрываемости и реализации уголовных дел (осуждение к высшей мере наказания или к ссылке), как правило, усердствовали и рядовой следователь, и его руководитель. При этом последним приходилось тяжелее – несмотря на заранее predetermined решение репрессировать всех, находящихся во внутренних тюрьмах районных органов НКВД, следовало сочинить конкретный

³⁷ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №38–806, т. 3, с. 341.

сценарий для каждого случая, детально описывающий участие обвиняемого в контртеррористической организации, его принадлежность к «правым», стремление свержения советской власти и проведение им террористических актов против руководителей советского правительства. С этой точки зрения примечательны показания Андроника Липаритовича Агабаляна, бывшего сотрудника транспортного отдела НКВД ГССР, руководителем которого был Михаил Дзидзигури. Агабалян рассказал следствию, что по распоряжению Дзидзигури он ездил в Москву для доклада о следственных делах на Особом Совещании; часть дел была возвращена на доследование в транспортный отдел НКВД Грузинской ССР. По показаниям Агабаляна, некоторые дела были явно фальсифицированы с целью создания впечатления упорной борьбы с контрреволюционными организациями³⁸. Рассчитывать на помощь рядовых следователей в написании сценария в большинстве случаев не приходилось, так как сотрудники были неграмотными, или малограмотны, с низшим или неполным средним образованием. Однако бывали и редкие случаи, когда следователем, или его помощником был сотрудник с высшим образованием, как, например, Шалва Михайлович Свимонишвили. Будучи секретарем Знаурского РК КП(б) Грузии в 1934–1936 гг., он прошел краткосрочные курсы при ЦК КП(б) Грузии, после чего, без определенной должности, находился в распоряжении 4-го отдела Управления государственной безопасности, исполнял поручения Гоглидзе, Кобулова, Кадагишвили, Давлианидзе, Мгебришвили, Гамсахурдиа и Морозова, арестовывал лиц и присутствовал при их т.н. «обработке»³⁹. Однако описываемый нами случай скорее исключение, чем правило. В основном малограмотные сотрудники могли осуществить вторую часть расследования – вынудить обвиняемых подписать показания, которые соответствовали придуманному начальством сценарию и доказывали бы правоту заведения на них уголовных дел. Особо удачным считалось такое расследование, которое могло бы связать между собой разные группы подозреваемых, как внутри одной страны (Грузия, Азербайджан, и др.), так и раскрывающие их связи с центром. С этой точки зрения примечательно уголовное дело, возбужденное против бывшего начальника 5-го отдела Управления государственной безопасности НКВД Азербайджанской ССР Владимира Петровича Медведева⁴⁰. Медведев был примерным сотрудником, участвовал в подавлении эссеровского движения в Москве в 1918 г., Вешенского (на Дону) крестьянского восстания в 1919 г., в боях против Деникина под Новочеркасском, в разоружении Карачая в 1922 г., в операциях по разоружению Ингушетии, Осетии и Чечни в 1925 г., в подавлении восстания в Армении в 1930 г., а также в массовых операциях по разоружению населения

³⁸ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №37–860, т. 1, с. 344–345.

³⁹ *Ibidem*, с. 404–406.

⁴⁰ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №38–806, т. 3, с. 253–254.

и ликвидации бандитизма в Ганджинском округе Азербайджанской ССР в 1931 г.⁴¹ В годы террора Медведев был примерным следователем, четко выполнял инструкции начальства, добывая показания обвиняемых пытками и издевательствами над ними. В деле, возбужденном против него, имеется показание этого бывшего следователя, подтверждающее применение репрессий во время расследований:

Репрессии к арестованным применялись в отделе, которым руководил я, к кому конкретно, я сейчас затрудняюсь сказать, но помню, что избивали начальника политотдела дивизии Алиева. Его, Алиева, избивали для того, чтобы получить от него нужные для следствия показания, а именно – выход на контрреволюционный центр – руководимый Везириным, Ахундовым и другими... Такие репрессивные меры к арестованным применялись по указанию Сумбатова, Борщова в целях получения от арестованных нужных показаний. Репрессии выражались в том, что сажали в карцер, была в отделе плетка, этой плеткой били арестованных, я тоже бил. Могло быть, что я избивал арестованных и руками. Кроме меня избивали арестованных все работники НКВД. Избиения в АЗНКВД носили истязательный характер⁴².

Однако времена менялись, в 1938 г. сам Медведев оказался под следствием. В собственноручно написанных показаниях от 19 марта 1939 г. бывший следователь указывает на наличие «фантастических показаний», которые его вынудили дать вначале по Москве, а потом и по Тбилиси и Баку⁴³. Это служит наглядным примером того, что дела не только инсценировались, но при ведении следствия сценарий мог изменяться согласно фантазии руководителей, или новых заданий начальства.

О самом начальном периоде применения пыток в НКВД Грузинской ССР вспоминает сотрудник 3-го отдела (КРО) Амирзадагулян Ерванд Аркадьевич в своих показаниях. Согласно им, нарком Гоглидзе в 1937 г. на оперсовещании рассказал сотрудникам наркомата, что присутствовал на совещании наркомов внутренних дел республик, созванном Ежовым. На этом совещании Ежов, в связи с раскрытием правой организации, предложил применять к обвиняемым репрессии и ограничения (лишение передач и свиданий) для получения показаний об их контрреволюционной деятельности⁴⁴. Известно, что уголовные дела по обвинению в членстве троцкистской организации, или, как тогда называли, дела «по троцкистам», со второй половины 1936 г. в обилии возникали в 1-м отделении 4-го отдела, начальником которого был Хазан. В НКВД Грузинской ССР были выделены две группы следователей – основная и дополнительная, которая выполняла указания членов основной

⁴¹ *Ibidem*, т. 2, с. 313.

⁴² *Ibidem*, т. 3, с. 458–459.

⁴³ *Ibidem*, т. 1, с. 253–254.

⁴⁴ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №5519, т. 2, с. 9.

группы. В первую, основную группу входили: Богдан Кобулов, Александр Хазан, Никита Крымян и Константин Савицкий (по показаниям Амирзадгуляна⁴⁵. В эту группу, кроме перечисленных, также входили Винер, Пачулия, Давид Урушадзе, Ковальчук, Гамсахурдия, Корхмазян, Давлианидзе и др.). Во вторую группу входили следователи Арам Дошоян, Марк Мичурин, Сергей Давлианидзе, Нина Аробелидзе, Абашидзе, Гурген Айвазов, Слабода, Вениамин Гульст, Варлам Одишария⁴⁶.

В те же годы был арестован один из перечисленных палачей – Александр Хазан. Его уголовное дело, хранящееся в Архиве МВД Грузии⁴⁷, содержит интересный материал о следствии, проведенном против бывшего сотрудника. Хазана арестовали 2 февраля 1938 г. В деле имеется приказ народного комиссара внутренних дел Гоглидзе, датированный следующим днем ареста. В этом документе, после короткого вступления (о врагах народа и успехах советской разведки), весь текст посвящается критике методов работы старшего лейтенанта Хазана. В частности указывается, что последний применял «совершенно недопустимые методы ведения следствия, могущие в результате привести к оговору честных советских граждан [...], продолжал игнорировать указания, преступно используя свои права и возможности [...]». Он фактически стал орудием в руках врагов и рупором их провокаций, направленных для дискредитации следствия»⁴⁸. В том же приказе отмечено, что Хазан, лично проводивший расследования дел бывших сотрудников НКВД, не смог сделать необходимые для себя выводы и фальшивыми криками о большевистской бдительности пытался перестраховать себя. В связи с отмеченным народный комиссар приказал отстранить Хазана от занимаемой должности и арестовать его, призвал весь оперативный состав «сделать необходимые практические выводы в своей работе»⁴⁹.

Большой интерес представляют дополнительные показания Хазана, которые он дал 18 февраля 1938 г. о родственниках, проживающих за границей. Известно, что в годы Большого террора граждан арестовывали по обвинению в шпионаже в пользу иностранных разведок не только при наличии родственников вне СССР, но и лишь на основании временного пребывания в разных странах для учебы или в научных командировках (одним из таких дел был арест Иосифа Александровича Берелашвили, который в 1921–1924 гг. учился в Германии. Как показал арестованный сотрудник НКВД Варлам Виссарионович Одишария, «[...] на арест этой категории имелась директива центра, так как большинство лиц, обучавшихся в Германии, оказалось завер-

⁴⁵ *Ibidem*, с. 9.

⁴⁶ *Ibidem*, т. 1, с. 345.

⁴⁷ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №38759.

⁴⁸ *Ibidem*, т. 1, с. 4.

⁴⁹ *Ibidem*, с. 5.

бованным германской разведкой»⁵⁰. На этом фоне один из самых рьяных чекистов, состоящий в группе Кобулова, имел в разных странах мира несколько родственников, в частности: в Соединенных Штатах Америки проживали сестра и брат отца Хазана – Розалия Исааксон и Ральф Генри, а также брат матери Давид Морин и две дяди – Л. Генри и Р. Генри; в Румынии жила сестра матери Анна Литвин; в Китае – дядя И. Морин; во Франции – сын тетки бабушки Павел Каплан⁵¹. Эта информация, которую давал заключенный Хазан, в годы террора могла бы стать гарантией немедленного расстрела любого гражданина, тем более сотрудника, которого легко можно было обвинить в шпионаже в пользу разведывательных служб перечисленных стран. Однако на самом деле этого не случилось. Листая дело Хазана, состоящее из трех томов, дополненное частичными признаниями арестованного, могло создаться впечатление, что справедливость внутри системы НКВД в этом конкретном случае могла восторжествовать. Хазан написал несколько заявлений на имя начальства, в которых детально описывал свое участие в основных, важных расследованиях – вскрытие и ликвидация террористических формирований, готовящих покушение на членов правительства, дела троцкистского центра (совместно с Н. Кримян), центра правых (совместно с Г. Пачулия) и резервного центра правых, контрреволюционного заговора в аппарате НКВД Абхазии и др.⁵² Хазан объяснял свои ошибки загруженностью по работе:

Не следует забывать о том, что все эти дела, наряду с 10–11 другими делами, велись мною в течение 11–12 дней января. В этот же период они возникли. Одновременно я помогал т.т. Гоциридзе и Мовсесову в ведении дела Дошояна. На мне лежала большая текущая работа по Отделению, велось большое количество лично порученных д/ф и разработок [...], по которым поступали многочисленные материалы. Я только вернулся после длительных поездок по районам (с 20 чисел ноября), должен был вновь войти в курс дела и охватить большую работу Отделения. Не скрываю, что напряженная оперработка в тяжелых условиях с 1935 года до начала 1937 г. [...], упорная работа в течение 1937 года сильно издергали меня. Не осталось прежнего напора, выдержки в следствии, появилась нетерпеливость, стремление поскорее и полегче добиться результата, ослабло внимание к деталям и скрупулезному наблюдению за поведением арестованных. В то же время, на почве успехов по делам троцкистского центра, его терророрганизации, правого и резервного центров, к-р заговора в НКВД и т.д., у меня появилось определенное «головокружение». Мне стало казаться, что решительными приемами, применяемыми по этим делам можно всегда добиться исчерпывающего разгрома к-р организации и что я смогу всегда отсеять истину от клеветы. Одновременно у меня развилась излишняя подозрительность. Всякий поступающий материал заставлял меня резко настраиваться и искать глубоких корней⁵³.

⁵⁰ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №38522, т. 1, с. 174.

⁵¹ *Ibidem*, с. 96–101.

⁵² *Ibidem*, с. 8.

⁵³ *Ibidem*, с. 21–22.

Хазан стремился оправдать собственные промахи в работе, тем самым признавая их наличие. Кроме его собственных показаний в дело подшит рапорт особоуполномоченного НКВД ГССР, лейтенанта госбезопасности Датио Твалчрелидзе, в котором детально охарактеризован бывший сотрудник Хазан и методы ведения им дел. В частности, в нем отмечено о поверхностном отношении к вопросу ареста граждан, об отказе работы с агентурой, о перегибах при применении острых методов следствия и т.д.⁵⁴ Следовало ожидать, что признания неправильных методов ведения следствия и показания сотрудников арестованного могли стать основанием для осуждения Хазана. Однако 1 апреля Гоглидзе послал письмо секретарю Центрального комитета коммунистической партии Грузии Лаврентию Берия, в котором отмечал, что считал возможным освобождение Хазана из-под стражи: «[...] Хазан, в процессе ведения им следствия по делу арестованных участников контрреволюционных формирований применял провокационные методы, чем дал возможность арестованным оговорить часть руководящих работников»⁵⁵, однако, учитывая, что «[...] его действия по следственным делам не носили преднамеренно преступный характер и явились результатом несерьезного отношения к возможным последствиям применения провокационных методов работы» и «учитывая, что Хазан понял характер совершенных им ошибок, а также его 2-х месячное пребывание под арестом, – считать возможным ограничиться понесенным им наказанием, из под стражи освободить, уволить из органов НКВД и использовать на хозяйственной или советской работе»⁵⁶. Тот же текст был перепечатан в обвинительном заключении Хазана, подписанном 2 апреля 1938 г. начальником 5-го отдела НКВД ГССР, лейтенантом госбезопасности Мироном Ивановичем Керкадзе.

Возникает вопрос: что могло послужить поводом для ареста Хазана, одного из самых надежных исполнителей и воплощений террора в жизнь. Его арест кажется странным и потому, что он был осуществлен не по окончании террора, а в самом его разгаре. Возможно, поводом для его ареста послужило беспрецедентное нарушение законов и нечеловеческая жестокость, с которой он вел следственные дела. В уголовном деле, возбужденном против наркома Абхазской АССР Василия Георгиевича Жужунава⁵⁷, имеется протокол допроса бывшего помощника начальника 1-го отделения 4-го отдела НКВД ГССР Давида Семеновича Твалчрелидзе, который в 1937 г. работал в следственной группе вместе с Хазаном. Твалчрелидзе детально описывает метод ведения расследования Хазаном и допущенные им нарушения,

⁵⁴ *Ibidem*, с. 197–204.

⁵⁵ *Ibidem*, с. 209.

⁵⁶ *Ibidem*, с. 211.

⁵⁷ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №37860.

а также факты избиения арестованного Жужунава. В конце своих показаний Твалчрелидзе отмечает:

В 1937 г. я поставил вопрос о преступных действиях Хазана, о чем знают быв. зам. нач. отдела т. Давлианидзе и быв. тогда секретарем парт. организации т. Квирикашвили. Хазан много вредил, т.к. он фактически руководил следственной работой. Хазан был арестован как фальсификатор, но его освободили его покровители Гоглидзе и Кобулов. После этого я вынужден был подать заявление о преступлениях Хазана в ЦК, куда я был вызван при разборе вопроса, но Хазану и здесь помогли его покровители и фальсификации Хазана остались безнаказанными⁵⁸.

Возможно, что информация Твалчрелидзе сыграла важную роль в возбуждении уголовного дела против Хазана. Не исключено, что существовали показания и других сотрудников Хазана, обличающие его незаконные действия. Так или иначе, Хазан не был осужден, его дело было закрыто. Так был освобожден от ответственности один из главных палачей Большого террора.

Однако среди сотрудников были и такие, которые старались не применять репрессии в целях получения показаний. Среди них следует отметить Кобиашвили, Члаидзе, Арутюнова, Алексейчука, Кистостурова, Хубаева, Сурена Газарева, Николая Бартковского и других⁵⁹.

Аресты были массовыми и тюрьмы с трудом справлялись с новыми арестованными. Вахтер-надзиратель внутренней тюрьмы НКВД Степан Григорьевич Ковшов дал следующее показание о перегруженности тюрьмы в годы террора:

Во внутренней тюрьме я работаю с 1935 г. в должности вахтера-надзирателя. В 1935–1936 гг. условия содержания заключенных были нормальными, арестованных было мало, их нормально кормили, они пользовались ларьком. Случаев избиения арестованных следователями не было и не было измученных бессонницей арестованных. С конца 1936г. или начала 1937г. число заключенных стало увеличиваться и в 1937 году условия их содержания стали невыносимыми, особенно когда начала работать тройка, которая судила по I категории, т.е. к расстрелу. В 1937–1938 гг. была переполнена, заключенных кормили хуже, пользование ларьком не разрешалось⁶⁰.

Действительно, 30 октября 1937 г. секретарь ЦК КП(б) Грузии Л.П. Берия послал докладную записку И.В. Сталину об ускорении рассмотрения дел участников троцкистских диверсионно-шпионских организаций. В ней он уведомлял вождя, что за 1937 г. органами НКВД Грузии было арестовано 12.000 человек, из которых разными органами, уже были осуждены 7374 человека. В результате в тюрьмах содержалось свыше 5 тысяч подследствен-

⁵⁸ *Ibidem*, т. 1, с. 399–400.

⁵⁹ *Ibidem*, т. 2, с. 14.

⁶⁰ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №37149, т. 1, с. 165.

ных, в самой столице – больше 2 тысяч. Берия просил Сталина создать специальную тройку и передать ей дела для рассмотрения.

В годы Большого террора укоренилась следующая практика возбуждения и ведения уголовных дел. Руководство отдела или районного отделения НКВД инсценировало и составляло будущие показания обвиняемых, которые рядовые сотрудники должны были получать от них⁶¹. В 1937 г., по приказу руководства, для ведения дел были созданы группы из двух следователей⁶². Они принуждали арестованных дать нужные следствию показания, это называлось «предварительной обработкой»⁶³. Не выдержавший пыток арестованный начинал давать показания, на основании которых следователь делал записи на небольших листках бумаги, формируя так называемый «футляр», который передавали секретарше Кобулова, по фамилии Миловой. После обработки показаний, через три-четыре дня, арестованный подписывал отпечатанный на машинке протокол допроса, который назывался «подлинником»⁶⁴.

Позже, во второй половине Большого террора, когда к уголовной ответственности начали привлекать сотрудников НКВД, следователи получили новую директиву. Как вспоминает Варлам Виссарионович Одишария в своих показаниях, данных следствию 23 мая 1955 г., по предложению начальника секретно-политического отделения Хазана, начальником отдела Кобуловым было подписано распоряжение для оперативно-следственных работников, которое обязывало следователей спрашивать всех без исключения арестованных об известных им фактах контрреволюционной деятельности кого-либо из сотрудников НКВД ГССР⁶⁵. Ведение дел, возбужденных против чекистов доверялось узкому кругу чекистов, в частности Крымяну, Хазану и Савицкому⁶⁶. Не исключено, что привилегированное положение могло быть использовано сотрудниками в личных интересах. Как показал бывший помощник начальника 1-го отделения 4-го отдела НКВД ГССР Давид Семенович Твалчрелидзе на допросе 21 мая 1955 г., следователь Хазан был вызван в ЦК КП Грузии в связи с приемом в партию; ему не понравилось обращение с ним секретаря ЦК по кадрам Топуридзе и заведующего особым сектором Бежанова. Вернувшись на работу Хазан предложил Твалчрелидзе подобрать материалы на Топуридзе и Бежанова, так как «они его плохо приняли и бесспорно являются троцкистами»⁶⁷.

⁶¹ *Ibidem*, с. 328.

⁶² Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №37860, т. 1, с. 395.

⁶³ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №38806, т. 1, с. 404–406.

⁶⁴ *Ibidem*, с. 404–406.

⁶⁵ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №37853, т. 1, с. 165.

⁶⁶ *Ibidem*, с. 170.

⁶⁷ *Ibidem*, с. 171.

Рядовой следователь НКВД одновременно мог вести более двадцати следственных дел. Согласно воспоминаниям лейтенанта госбезопасности Ашота Асланова, рабочий день заканчивался в 6–8 часов утра следующего дня, для отдыха оставалось всего 2–3 часа, за это время надо было успеть сходить домой и принять душ, даже обедать приходилось на работе. Нередки были случаи, когда, кроме ведения следствия, следователям приходилось выполнять по совместительству и другие функции – учет перемещения арестованных, подготовка следственных дел для заседаний тройки, рассылка протоколов и т.д.⁶⁸

В результате были случаи, когда сотрудники НКВД теряли психическое здоровье. В этой связи примечателен факт Ерванда Амирзадгуляна, который получил от другого сотрудника – Арташа Симоняна сообщение о том, что его вскоре арестуют из-за знакомства с уже репрессированными сотрудниками (Суреном Газаряном и Николаем Бартковским). Амирзадгулян попросил сотрудника предупредить его, как только Давлианидзе поднимет вопрос об его аресте, чтобы успеть покончить с собой, во избежание репрессии и ссылки членов семьи. И хотя этого не случилось, Амирзадгулян начал страдать слуховыми и зрительными галлюцинациями, боязнью получить удар в области затылка, ночными кошмарами и находился в постоянном страхе⁶⁹.

Многие сотрудники не выдерживали напряженность рабочего дня, незаконные методы ведения следствия и кончали жизнь самоубийством. Среди них можно назвать Гоги Кобиашвили, который перед самоубийством оставил записку: «Против своей совести работать не могу». Вслед за ним покончили жизнь самоубийством его супруга Джашидова, инспектор Отдела кадров НКВД, бросившись с Верийского моста в Куру⁷⁰, а также сотрудники НКВД Норина и Зиновьева⁷¹.

Неудивительно, что работа в таких условиях нередко сопровождалась грубыми нарушениями процессуальных норм. В частности, нередко были случаи, когда:

1. Не составлялась справка на арест, как, например, при аресте начальника Главного управления курортов Грузии Петра Францевича Хитарова, ранее работавшего начальником секретно-политического отдела Управления госбезопасности НКВД Грузинской ССР⁷². Следователь Особого отдела НКВД ЗакВО Ашот Асланов вспоминал, что органы прокуратуры санкцию на арест давали формально, только по поста-

⁶⁸ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №38806, т. 1, с. 328.

⁶⁹ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №5519, т. 2, с. 15–18.

⁷⁰ *Ibidem*, т. 1, с. 438; *ibidem*, ф. 6, д. №37969, т. 3, с. 81.

⁷¹ *Ibidem*, т. 2, с. 15.

⁷² Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №37860, т. 1, с. 310–314.

- новлению и голой справке⁷³; сотрудник Особого отдела НКВД ЗакВО Яков Тимофеевич Дудкин показал, что в 1937–1938 гг., согласно установленному в органах НКВД порядку, «участие прокурора в расследовании уголовных дел заключалось лишь в том, что прокурор санкционировал арест. Другого надзора мы – работники Особого отдела НКВД ЗакВО не знаем»⁷⁴.
2. Арест оформляли через некоторый период времени после лишения свободы. Георгия Семеновича Гугунава, директора театра им. Шота Руставели, ранее работавшего в особом отделе Государственного политического управления арестовали 25 октября, а оформили задержание лишь через четыре дня, 29 октября⁷⁵. Аналогичен случай Ивана Георгиевича Кикнадзе, заместителя директора Треста кинопромышленности Грузинской ССР, арестованного 14 августа, его арест оформили 17-го числа. Через три недели после ареста Кикнадзе дал показания о том, что состоял членом контрреволюционной организации, а также указал на сотрудников НКВД ГССР и участвовал в очной ставке с Шушаной Константиновной Киладзе, супругой бывшего председателя ГПУ Давида Киладзе. Ш. Киладзе не подтвердила показания Кикнадзе. Кикнадзе в дальнейшем не отказался от своих показаний и даже подтвердил их на закрытом судебном заседании. Выездной Сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР 30 сентября 1937 г. он был осужден к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор привели в исполнение 1 октября того же года⁷⁶.
  3. Арестованным предъявлялись дополнительные обвинения, как в случае с начальником 3-го отдела Управления госбезопасности НКВД Грузинской ССР Петром Мефодьевичем Мхеидзе⁷⁷, или секретарем наркома Александром Авксентьевичем Гамсахурдиа⁷⁸.
  4. Допросы арестованных продолжались и после окончания следствия по их делам, и даже после рассмотрения дел тройкой (протоколы таких допросов не прилагали к следственным делам, их сдавали в архив, на хранение)⁷⁹.
  5. Следователь диктовал арестованному показания, который последний записывал своей рукой. Интересны показания сотрудника Вахтанга Георгиевича Арзанова, которые он дал следствию в 1955 г. Они ка-

⁷³ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №5519, т. 2, с. 70.

⁷⁴ *Ibidem*, т. 4, с. 126.

⁷⁵ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №37860, т. 1, с. 337–341.

⁷⁶ *Ibidem*, с. 342–343.

⁷⁷ *Ibidem*, с. 321–322.

⁷⁸ *Ibidem*, с. 330–331.

⁷⁹ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №5519, т. 1, с. 191.

- сались допроса бывшего сотрудника Михаила Дзидзигури. Допрос проводил Никита Кримиан. «Кримиан диктовал Дзидзигури показания о его якобы преступной связи с рядом сотрудников по работе. Кримиан при этом называл фамилии тех сотрудников, с которыми Дзидзигури находился в близких взаимоотношениях. Эти показания не соответствовали действительности, так как Дзидзигури все время обращался к Кримиану с вопросами о том, как и что писать. Так от Дзидзигури были получены показания на Василия Джомарджидзе, Андроника Агабаляна, Петре Мхеидзе, Ростислава Кириленко, Гаврила Думбадзе»⁸⁰.
6. Протоколы допросов арестованных составлялись следователями, которые не присутствовали на допросах. В этих случаях они исходили из «собственноручных показаний арестованных», как это было при допросах Виссариона Алексеевича Чичинадзе. Эти протоколы его допросов составлял следователь Александр Семенович Квливидзе⁸¹.
7. Иногда подозреваемых арестовывали до получения показаний против них. Таким был случай ареста заместителя наркома внутренних дел И.Ф. Станского. Его арестовали 25.04.1937 г. на основании справки, подписанной Петром Мхеидзе. В справке указывалось, что Станский арестован по показаниям Г.Г. Элиава, однако эти показания были получены лишь 30.04.1937 г., то есть через 5 дней после ареста Станского⁸². В последующем был арестован и расстрелян сам Мхеидзе, а его семье в 1959 г. было отказано в реабилитации репрессированного сотрудника⁸³.
8. Арестованным не объявляли об окончании следствия, их не знакомили с материалами следственного производства. Позднее им стали объявлять об окончании следствия, однако их по-прежнему не знакомили с материалами дела. Само объявление оформлялось не на бланке установленной формы, а на простом листе бумаги. После предупреждения Александра Морозова о том, что необходимо объявлять о завершении следствия по установленной форме, стали делать соответствующие записи и в последних протоколах допроса⁸⁴. Об этом указывал в своих показаниях на допросах и следователь Ашот Асланов. Он отмечал, что на каждого арестованного заводилось отдельное следственное дело и, не принимая во внимание возможную связь этого дела с другими, дело закрывали, без заключения прокурора рассматривали на заседаниях тройки НКВД в отсутствие арестованного. В течение

⁸⁰ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №37969, т. 4, с. 108.

⁸¹ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №37730, т. 2, с. 210–211.

⁸² Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №37969, т. 4, с. 190.

⁸³ *Ibidem*, с. 184–191.

⁸⁴ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №38–806, т. 1, с. 335–336.

одного-двух минут решалась его судьба – расстрел, или, в лучшем и редком случае, ссылка в концлагерь⁸⁵.

9. Обвиняемые «признавались» в совершенном преступлении после составления обвинительного заключения и проведения заседания тройки, как в случае расследования дела, возбужденного против Арташеса Тиграновича Аванесяна. За все время следствия Аванесян не признавал себя виновным. Гоглидзе утвердил обвинительное заключение 25 мая 1938 г., тройка рассмотрела его дело 14 июня, а подсудимый написал признательные показания 15 июня⁸⁶.
10. Дела обвиняемых слушались на заседаниях тройки до составления обвинительного заключения. Так было в случае Макса Рафаиловича Розенблюма, бывшего начальника КРОУГБУНКВД АЧК. Он был осужден к ВМН тройкой НКВД ГССР 08.02.1938 г., приговор приведен в исполнение 13.02.1938 г., обвинительное заключение утверждено 11.02.1938 г.⁸⁷ Аналогичным был случай начальника отдела кадров Бориса Мартирьевича Марковина – его осудили 08.02.1938 г., а обвинительное заключение было подписано 11.02.1938 г.⁸⁸

Из показаний Ашота Асланова следует, что статьи уголовного кодекса в постановлениях об избрании меры пресечения и предъявления обвинения во всех случаях указывались по трафарету, следователи плохо разбирались в уголовном и уголовно-процессуальных кодексах⁸⁹. Арестовать могли только по подозрению, которое могло быть совершенно недостаточным и требовало дополнительной проверки, но она не проводилась, так как было указание народного комиссара Гоглидзе – арестовывать по одному показанию и докладывать ему весь материал по Особому отделу⁹⁰. Зиновий Наумович Гульст вспоминал, что до разрешения применения репрессий по делам арестованных широко практиковался метод ведения упрощенного следствия, в рамках которого достаточно было одного или двух показаний арестованного об участии того или иного лица в контрреволюционной организации⁹¹. Информация о подозреваемых хранилась в специальной картотеке. По показаниям Веры Яковлевны Сердюк, работавшей с мая 1938 г. до конца 1939 г. под непосредственным началом Ашота Асланова следует, что следователи Особого отдела НКВД ЗакВО передавали протоколы или копии протоколов допросов машинистке, которая по ним, на каждого упомянутого в про-

⁸⁵ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №5519, т. 2, с. 71.

⁸⁶ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №37730, т. 2, с. 136.

⁸⁷ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №37969, т. 3, с. 61.

⁸⁸ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №38878, т. 1, с. 70.

⁸⁹ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №5519, т. 1, с. 183.

⁹⁰ *Ibidem*, с. 179.

⁹¹ *Ibidem*, с. 395.

токолах человека, составляла карточки. В них указывались фамилии лиц, по чьим показаниям они проходили и что о них показали. По требованию оперативных работников машинистка снимала копии от полученных протоколов допросов, которые приобщали к делам, находящихся у них в производстве. В карточках Сердюк вносила и дополнительные сведения, если таковые содержались в новых протоколах допросов. В них указывалось, арестовано ли лицо, на которого открыта карточка, когда и как закончено дело по его обвинению. По требованию оперативных работников машинистка составляла справки об осуждении лиц на основе картотеки⁹².

Сам процесс репрессий был строго регламентирован и находился под контролем начальства. В Тбилисской городской тюрьме существовал штат инспектора учета, который с 1936 по 1940 г. занимал Артемий Николаевич Сусанов. В его функции входило: 1. Оформление освобождений заключенных; 2. Направление заявлений и жалоб заключенных в соответствующие органы; 3. Исполнение отдельных поручений начальника тюрьмы; 4. Направление заключенных на судебные заседания⁹³. При приеме арестованных, с их же слов, заполнялась анкета, после чего заключенного отправляли в камеру. На следующий день, по записям в анкете, в учетной части тюрьмы на арестованного заполнялась учетная карточка и заводилось личное дело. Если арестованный, до прибытия в городскую тюрьму, содержался во внутренней тюрьме, то из внутренней тюрьмы вместе с ним посылали и личное тюремное дело. Фамилия арестованного также фиксировалась в общей книге учета всех арестованных. За правильное оформление и хранение всех трех типов документов (личное дело, карточка и общая книга учета арестованных) в Тбилисской городской тюрьме отвечали Карапет Минаевич Оганезов и Михаил Мацхонашвили. Строгость и порядок учета позволяли своевременно докладывать о делах арестованных на заседаниях тройки. Начальник отделения оперативного учета Ашот Асланов вспоминал, что к нему лично приходил начальник 1-го спецотдела НКВД ГССР, капитан ГБ Александр Морозов и требовал, чтобы все дела в установленный срок докладывались на заседаниях тройки⁹⁴.

Во внутренней тюрьме НКВД ГССР в 1937–1938 гг. функционировали горячие и холодные карцеры. В горячем карцере пускали такой сильный пар, что не было видно арестованного на расстоянии одного метра, а в холодный карцер был насыпан снег и заключенного помещали в одном белье⁹⁵.

Наряду с физическим насилием, пытками, арестованные подвергались и моральным истязаниям. Их запугивали арестом членов семьи, цинично

⁹² *Ibidem*, с. 473.

⁹³ *Ibidem*, т. 6, с. 92.

⁹⁴ *Ibidem*, т. 1, с. 182.

⁹⁵ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №37149, т. 1, с. 166.

ругали, во время допросов инсценировали отправку на арест, выполняя данную начальством формулу работы с обвиняемыми – «дезориентировать, деморализовать и уничтожить»⁹⁶.

Зверски избитым арестованным или вовсе не оказывалась медицинская помощь, или же она была минимальной. Как следует из показаний Евгении Васильевны Махарадзе, работавшей в годы Большого террора фельдшером во внутренней тюрьме НКВД ГССР, замученным арестованным «давали камфору, валериановые капли, делали подкожный укол, повреждения смазывали йодом, а при повторных повреждениях смазывали ихтиолом»⁹⁷.

В уголовном деле, возбужденном против Рувима Абрамовича Лифшица⁹⁸ хранится рапорт старшего лейтенанта Лифшица, написанный на имя начальника 5-го отдела УГБ НКВД ГССР Владимира Филипповича Максименко. В нем детально описан один случай т.н. «активного допроса», в ходе которого обвиняемый дал угодные следователю показания:

[...] Первый допрос Парейшвили М.С. был произведен в день ареста 3.IX. между 21 и 22 часами, на котором он категорически отрицал какую бы то ни было причастность к к-р организации, а равно и к-р деятельность. Также не признался в том, что имеет брата в эмиграции. После двухчасового допроса Парейшвили был отпущен. В 1 ч. 30 м. в ночь на 4 IX. Парейшвили М.С. вновь был вызван на допрос, на котором он продолжал упорствовать. Получив Вашу санкцию, Парейшвили был подвергнут активному допросу. В 2 ч. 45 м. Парейшвили в присутствии сотрудников 5 Отдела Прангишвили и Ковалева заявил, что он был завербован в начале 1937 г. в к-р военную организацию военпреподователем Госунта Вашакидзе, подробные показания он даст завтра⁹⁹.

В том же рапорте Лифшиц докладывал, что арестованный не жаловался на состояние здоровья и в камеру вернулся самостоятельно, без посторонней помощи. Из рапорта явствует, что Максименко разрешил следователю репрессировать арестованного. В результате были получены требуемые показания, подтверждающие обвинение. Более того, в деле имеется постановление 1956 г., составленное помощником военного прокурора ЗакВО А. Павловым, согласно которому, Парейшвили «[...] Лифшицем был подвергнут жесточайшему избиению и в результате полученных телесных повреждений в 7 час. 30 минут 4 сентября 1937 года умер»¹⁰⁰. Однако и сам Лифшиц не смог избежать беззакония. Он разделил участь тех чекистов, на которых опустился железный кулак террора. Возможно, что этому способствовал им же арестованный полковой комиссар Розов. Будучи арестованным в Москве, Розов

⁹⁶ *Ibidem*, с. 148.

⁹⁷ *Ibidem*, с. 443.

⁹⁸ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №37150, с. 161–162.

⁹⁹ *Ibidem*, с. 161.

¹⁰⁰ *Ibidem*, с. 165.

из Бутырской тюрьмы был переведен в Тбилиси. Дело его вел Лифшиц. Из показаний свидетеля Георгия Федоровича Бартышевского, сидевшего в одной камере с Розовым, выясняется, что Розов, обозленный поведением Лифшица, которого он знал до ареста, решил отомстить следователю. Во время допроса в кабинет Лифшица вошел начальник отделения Николай Константинович Василенко, которому Розов, незаметно для Лифшица, передал написанную обгорелой спичкой записку следующего содержания: «Прошу личного свидания». Предположительно, Розов оговорил Лифшица перед начальством. Арестованного Лифшица, по показаниям свидетеля Бартышевского, избивали многократно, ему 23 раза смазывали раны йодом в камере. Ашот Асланов продолжал избивать Лифшица и после того, когда его дело было закончено, в кабинете самого Лифшица и с помощью его бывших подчиненных¹⁰¹.

Некоторые следователи даже в протоколах допроса не скрывали факты применения репрессий, чем и угрожали подследственным. В этой связи примечателен протокол допроса Шалвы Ражденевича Цинцадзе, химика, профессора Государственного университета. В протоколе его допроса от 10 июля 1937 г., который вели начальник 4-го отдела МГБ НКВД ГССР майор Кобулов и начальник 2-го отделения 4-го отдела УГБ НКВД лейтенант Абашидзе читаем:

Вопрос: [...] В пользу какого государства вы добывали сведения шпионского характера?

Ответ: Шпионом я никогда не был.

Вопрос: Предупреждаем говорить правду, в противном случае к вам будут применены репрессии.

Ответ: Должен признаться, что в 1931–32 гг. я был завербован для шпионской работы в пользу французской разведки¹⁰².

О незаконных методах ведения следствия и о снижении роли прокуратуры детально рассказывает в своих показаниях Гурген Иванович Оганджаниян, работавший в годы Большого террора военным прокурором Закавказского Военного округа¹⁰³. Работая в прокуратуре, Оганджанияну пришлось запросить санкции на арест подозреваемых, которые, с его точки зрения, не были подтверждены достаточно весомой соответствующей информацией. Разногласия между прокуратурой и НКВД были перенесены в прокуратуру Союза, которая признала линию работы Оганджанияна правильной и законной. С конца 1937 г., особенно летом 1938 г., разногласия между этими органами приняли постоянный и конфликтный характер, так как прокуратура все чаще отказывала НКВД в санкциях на аресты членов партии. В ре-

¹⁰¹ *Ibidem*, с. 240–243.

¹⁰² Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №38829, с. 81.

¹⁰³ *Ibidem*, т. 1, с. 146–150.

зультате создавшегося положения из прокуратуры Союза ССР в Тбилиси приехали сотрудники Ульянова С. и Рахлин А.Г., которые ознакомились с материалами, собранными НКВД против Оганджания и оценили работу последнего как правильную и законную. Несмотря на это, Прокуратура Союза ССР отозвала Оганджания с должности военного прокурора и направила его в Гурфуз 3 августа 1938 г., с санаторной путевкой, арестовав его через три дня в Москве. Оганджания этапировали во внутреннюю тюрьму НКВД Грузии спецконвоем. Свои гонения Оганджания связывал с именем Лаврентия Берия, так как был назначен на пост Военного прокурора ЗакВО не по рекомендации Берия. Кроме того, Оганджания имел информацию о том, что Берия дважды обращался к Ежову и Вышинскому с предложением снять Оганджания с должности и арестовать его¹⁰⁴. В тюрьме Оганджания подвергся сильнейшим репрессиям, лишился рассудка, проходил курс психиатрического лечения в лечебнице имени Соловьева, в Москве.

В следственной практике широко использовались так называемые «камерные агенты». Об этом дал показания следствию свидетель Григорий Егорович Енукидзе, бывший сотрудник Особого отдела НКВД ЗакВО, который с июня 1938 г., с целью стажировки, был прикреплен к исполняющему обязанности начальника 5-го отделения Ашоту Асланову. Согласно показаниям Енукидзе, основанных на информацию, полученную от сотрудников 4-го отдела УГБ, в годы Большого террора в качестве камерных агентов использовались не только заключенные, но и сотрудники НКВД¹⁰⁵. В задачу агентов входила подготовка арестованных к даче нужных следствию показаний о своем участии в контрреволюционной организации. Камерного агента вызывали к оперработнику, который сообщал ему фамилию и показывал фотокарточку обвиняемого. Арестованный уже знал о методах расследования, в том числе и о пытках, от других, раньше него арестованных обвиняемых, будучи таким образом подготовленным для общения с камерным агентом. Об использовании камерных агентов Аслановым дала показания и его машинистка Вера Яковлевна Сердюк, которая отметила, что Асланов объяснил продление расследования по делу Медведева тем обстоятельством, что «Медведев колит тех, которых он вербовал, колит он их на очных ставках и в камерах, выполняя роль агента»¹⁰⁶. Камерных агентов содержали в хороших условиях, они обедали в кабинетах следователей. Одним из таких привилегированных арестованных был бывший начальник Политического Управления ЗакВО Блуашвили, которого, по показаниям бывшего сотрудника 5-го отдела Григория Егоровича Енукидзе долго не пропускали через тройку и поздно расстреляли, подкармливали и разрешали свидания с род-

¹⁰⁴ *Ibidem*, с. 147.

¹⁰⁵ *Ibidem*, с. 27–28.

¹⁰⁶ *Ibidem*, с. 489.

твенниками, так как на допросах Блушвили оговорил многих, в том числе и своих родственников¹⁰⁷.

С точки зрения самого процесса расстрела осужденных интересны показания дежурного помощника внутренней тюрьмы НКВД ГССР в 1937 г. Якова Емельяновича Тестова, лично принимавшего участие в расстрелах. Приводим показания Тестова полностью:

Начальник внутренней тюрьмы получал предписание Наркомвнутдела Груз. ССР о приведении в исполнение приговоров судебных органов и тройки при НКВД Груз. ССР о расстреле заключенных. В этом же предписании указывались фамилии, имена, отчества и годы рождения лиц, которые должны были быть расстреляны. Там же указывалась дата, когда заключенные должны быть расстреляны. Начальник внутренней тюрьмы вместе с дежурными помощниками начальника той же тюрьмы отправлялись в городскую тюрьму для отбора заключенных, подлежащих расстрелу. В городской тюрьме работники последней по указанию начальника внутренней тюрьмы и в соответствии с предписанием вызывали заключенных из камер в комендатуру городской тюрьмы, где начальник внутренней тюрьмы проверял – тех ли заключенных приводили, которые должны быть расстреляны, после чего руки заключенным завязывали, сажали их в открытый грузовик и отвозили на расстрел. На следующий день утром начальник внутренней тюрьмы давал нам на подпись акт, в двух или трех экземплярах, о том, что лица, указанные в акте, расстреляны, в акте писали фамилии, имена, отчества и год рождения заключенных и о том, когда они расстреляны. Правильность привода заключенных, т.е. о том, работники городской тюрьмы тех ли заключенных приводят в комендатуру этой тюрьмы, которые значились в предписании, вместе с начальником внутренней тюрьмы проверял и работник 8 отдела НКВД Груз. ССР Катамидзе. Если же тот или иной заключенный не оказывался на лицо, скажем он умер, то начальник внутренней тюрьмы или Катамидзе в своих списках делали какие-то отметки, вроде «V» или других знаков с тем, чтобы этого заключенного не вносить в акт. Бывало и так, что заключенный заявил, что он хочет давать дополнительные показания. Тогда этого заключенного также не брали на расстрел и не включали в акт. Вот вся процедура исполнения приговоров о расстреле арестованных. Мне лично приходилось принимать участие в расстрелах арестованных и подшивать акты¹⁰⁸.

Не лишены интереса и показания Георгия Ильича Мацхонешвили, начальника учетно-распределительной части Тбилисской тюремной больницы, который в своих показаниях детально охарактеризовал поведение начальника тюрьмы Захара Шашуркина: «Я хорошо помню, что Шашуркин, который возглавлял исполнение расстрелов, а перед этим отбор заключенных, подлежащих расстрелу, почти всегда приезжал в тюрьму №1 в нетрезвом состоянии и при этом он не в состоянии был разобрать фамилии мертвых, или же живых лиц включал он в акт»¹⁰⁹.

Особый интерес представляет описание таких случаев, когда скончавшихся в больнице арестованных неправильно оформляли в учетном отде-

¹⁰⁷ *Ibidem*, т. 2, с. 135.

¹⁰⁸ *Ibidem*, т. 4, с. 140–141.

¹⁰⁹ *Ibidem*, т. 6, с. 134.

лении. По показаниям заместителя главного врача тюремной больницы Иосифа Григорьевича Курели, у большинства избитых заключенных, которые умирали вскоре после их перевода в тюремную больницу, наряду с синяками, ссадинами, ранами, кровоподтеками, опухолями и переломами костей, обнаруживали паралич сердца, поэтому в справках о смерти таких арестованных писали, что они скончались от паралича сердца¹¹⁰. Более того, Курели показал, что начальник тюрьмы Окрошидзе и его заместитель его проинструктировали о том, что категорически запрещалось записывать в историю болезни и в справке о смерти такой диагноз, который указывал бы, что арестованный подвергнулся избиению, или скончался в результате таковых¹¹¹. Трупы, как правило, не вскрывали, делали это крайне редко и лишь по требованию следователя¹¹². Исходя из того, что следователи подвергали обвиняемых тяжелым морально-физическим истязаниям, часть арестованных не доживала до заседания тройки и умирала в тюремных камерах, или больничных палатах. Для описания практики ведения дел в подобных случаях нагляден пример арестованного Давида Ильича Вачнадзе.

Д. Вачнадзе родился в 1889 г. в селе Колаги Сигнахского района. Был офицером царской и меньшевистской армий, органы ЧК и ГПУ арестовали его дважды – в 1922 и 1931 гг. До ареста работал в системе Цекавшири, заведующим складом на производстве мебели. В 1937 г. был арестован, следователем его дела и докладчиком на заседании тройки был Ашот Асланов. По данным карточки арестованного, заполненной в Тбилисской городской тюрьме, Вачнадзе арестовали 19 июля 1937 г., а 31 июля того же года перевели в городскую тюрьму. Следовательно, в период с 19 по 31 июля Вачнадзе находился во внутренней тюрьме НКВД. В той же тюремной карточке, в графе «Дата убийтия», сделана запись – 11/8–1937 г., а причиной указана смерть арестованного в тюремной больнице¹¹³. Спустя три дня, 14 августа 1937 г., начальник тюрьмы лейтенант госбезопасности Окрошидзе направил письмо начальнику 8-го отделения УГБ НКВД Грузинской ССР Морозову, в котором сообщал, что в больнице Тбилисской тюрьмы скончался заключенный Д.И. Вачнадзе¹¹⁴. Через 11 дней капитан Морозов направил письмо начальнику 5-го отдела УГБ НКВД Грузинской ССР, в котором сообщал, что Д.И. Вачнадзе скончался в тюремной больнице 11 августа¹¹⁵. Казалось бы, соблюдены все правила делопроизводства, но имеющиеся три документа в корне меняют хронологию событий. 11 августа, т.е. в тот день, когда, согласно письму

¹¹⁰ *Ibidem*, с. 113–114.

¹¹¹ *Ibidem*, с. 114.

¹¹² *Ibidem*, с. 114–115.

¹¹³ *Ibidem*, с. 60–61.

¹¹⁴ *Ibidem*, с. 91.

¹¹⁵ *Ibidem*, с. 86.

Морозова, скончался Вачнадзе, его дело слушала тройка НКВД и приняла решение о его расстреле¹¹⁶. В выписке из акта о приведении приговора тройки в исполнение указано, что Вачнадзе был расстрелян 14 августа¹¹⁷. Скончавшийся в тюрьме 11 августа Вачнадзе никак не мог быть расстрелян 14-го числа, но в книге протоколов, под №1 имеется протокол заседания тройки от 11 августа 1937 г., на листах 1–4 текст: «Мы, нижеподписавшиеся нач. Внутр. тюрьмы лейтенант госбезопасности [...] Шашуркин З.И., пом. нач. деж. комендант [...] Тестов, пом. нач. деж. по тюрьме [...] Будников, Шевченко и Заргинава, на основании судебного постановления при НКВД Груз. ССР 13 августа 1937 г. в ночь на 14 августа 1937 г. произведен в исполнение приговор высшей мере наказания расстрел над ниже поименованными осужденными [...] Вачнадзе Давида Ильича – 1889 г.»¹¹⁸.

На допросе 6 мая 1955 г. инспектор учета Сусанов показал, что на практике были случаи, когда в справках о смерти арестованных дата не соответствовала действительности, так как труп арестованного несколько дней держали в тюремной больнице, а датой смерти указывали день, когда труп вывозили из здания больницы. Следовательно, согласно показаниям Сусанова, даже если Вачнадзе скончался раньше 11 августа, он никак не мог умереть позже 11-го числа¹¹⁹. Из этих же показаний следует, что отсутствие тюремного дела, заведенного на арестованного Вачнадзе, объясняется тем обстоятельством, что после окончания репрессий большое количество личных тюремных дел было уничтожено¹²⁰. Несмотря на то, что записи о смерти арестованных должны были внести в четырех разных документах (история болезни – хранится в больнице, алфавитный указатель картотеки – хранится в архиве тюрьмы, книга учета арестованных – хранится в архиве тюрьмы и личное тюремное дело), при расследовании репрессий Вачнадзе в 1955 г. удалось обнаружить лишь учетную карточку арестованного. Более того, как показала Мария Георгиевна Гомелаури, единственная машинистка Тбилисской городской тюрьмы в годы репрессий, начальник тюремной больницы сообщал начальнику учетно-распределительной части о смерти арестованного не в день его кончины, а через несколько дней, так как умирающих было много и их число в сутки могло достигать 40–50. Поэтому справки о смерти составляли позднее, но устно докладывали об этом в тот же день¹²¹.

Семьям расстрелянных не сообщалось об участии их родственников. В справке, составленном следователем 6-го сектора Особого отдела КГБ при

¹¹⁶ *Ibidem*, с. 89.

¹¹⁷ *Ibidem*, с. 88.

¹¹⁸ *Ibidem*, с. 73.

¹¹⁹ *Ibidem*, с. 95.

¹²⁰ *Ibidem*, с. 97.

¹²¹ *Ibidem*, с. 117–118.

Совете министров СССР по ЗакВО капитаном Пронкиным, в карточке, составленном на Вачнадзе Давида Ильича имеется следующая запись: «Тройка НКВД Гр. ССР 11/8 1937 г. ВМН расстрел. Исполнение: приведен в исполнение 14/VIII 37 г. Родственникам объявлять: умер в ИТЛ МВД СССР 30 декабря 1945 г. от склероза сердца. Арх. №27067–39»¹²². Действительно, в заявлении, подданном сестрой Вачнадзе Ольгой Ильиничной на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. Калинина, сестра репрессированного писала, что по имеющимся у нее сведениям, ее брат был осужден Военным трибуналом на 10 лет с высылкой в дальние края, без права переписки. Она просила помиловать его и освободить досрочно¹²³.

Правительство заботилось о верных исполнителях террора и не забывало награждать их. В газете «Борьба за чай» было опубликовано постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, подписанное председателем М. Калининным. «За образцовое и самоотверженное выполнение важнейших заданий правительства» чекисты были награждены орденами, в частности:

Орденом Ленина:

1. Гоглидзе С.А.
2. Степанова М.А.
3. Рапава А.И.
4. Кобулова Б.З.
5. Шашуркина З.И.

Орденом «Красная Звезда»:

1. Максименко В.Ф.
2. Джинджолия Г.Н.
3. Жужунава В.Г.
4. Кугель С.И.
5. Исакадзе М.М.
6. Рухадзе Н.М.
7. Жукова Д.М.
8. Инасаридзе В.А.
9. Цурцумия К.Б.
10. Хазан А.С.
11. Абашидзе Л.К.
12. Савицкого К.С.
13. Пачулия Г.А.
14. Кукутария М.Н.
15. Бзиава К.П.

¹²² *Ibidem*, т. 1, с. 40.

¹²³ *Ibidem*, т. 6, с. 72.

16. Каджая С.К.

17. Крымян Н.А.¹²⁴

Следует отметить, что большая часть награжденных сотрудников в скором времени была репрессирована.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине 1938 г. террор начал ослабевать. Выход из него, так же, как его начало и проведение, регулировался правительственными постановлениями и приказами. Одним из первых распоряжений стала телеграмма Сталина, адресованная бюро горкомов, обкомов, крайкомов ЦК нацкомпартий. В ней вождь обязывал взять на учет ответственных работников местных органов НКВД, провести тщательную проверку всех работников НКВД и рассмотреть на бюро обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий предложенных начальников областных, краевых управлений НКВД и наркомов НКВД союзных и автономных республик о кандидатурах работников на всех перечисленных выше должностях, ответственных работников местных органов НКВД. Следует отметить, что перегибы в работе органов НКВД имели место на всей территории СССР и не были горькой участью лишь республик Закавказья. В качестве наглядности достаточно привести докладную записку Вышинского на имя наркома внутренних дел СССР Берии о привлечении к уголовной ответственности сотрудников УНКВД Горьковской области. 17 ноября СНК СССР и ЦК ВКП(б) опубликовали постановление об арестах и прокурорском надзоре, а также о ведении следствия, в котором наряду с положительной оценкой террора признавались и недостатки, извращения в работе органов НКВД, в результате которых постановили запретить проведение массовых операций и ликвидировать внесудебные тройки, а также строго следовать всем требованиям уголовно-процессуальных кодексов. В ответ на постановление 26 ноября НКВД СССР издал приказ №00762, в котором указывал на необходимость «правильного проведения в жизнь» постановления от 17 ноября. Все вышеуказанные документы, письма и постановления в очередной раз свидетельствуют о беззакониях и извращениях в работе сотрудников НКВД СССР.

Так закончился Большой террор, ставший беспрецедентным явлением в истории тоталитаризма XX века, в рамках которого были уничтожены самые широкие массы всех национальностей, люди разных профессий, в том числе значительная часть партийной номенклатуры, военных и чекистов. Таким образом, союзные республики СССР понесли огромные потери кад-

¹²⁴ Архив МВД Грузии, ф. 6, д. №5520, т. 2, с. 128.

ровых профессионалов перед началом Второй мировой войны, что не могло не отразиться отрицательно на ход военных действий. Однако это уже предмет другого исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Althusser L., *Politics and History: Montesquieu, Rousseau, Marx*, London – New York 1972.
- Arendt H., *Ideology and terror: A novel form of government*, “Review of Politics” 2006, Vol. 15, с. 303–327.
- Arendt H., *Los orígenes del totalitarismo*, Madrid 1974/1998.
- Арендт Х., *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли*, Москва 2014.
- Aron R., *Democracia y totalitarismo*, Barcelona 1968.
- Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared*, eds. M. Geyer, S. Fitzpatrick, New York 2008.
- Brzezinski Z., *Totalitarianism and rationality*, “American Political Science Review” 1956, No. 50, с. 751–763.
- Conquest R., *El gran terror (Las purgas stalinistas de los años treinta)*, Barcelona 1974.
- Courtois S., Werth N., Panné J.-L. [et al.], *Le livre Noir du Communisme: Crimes, terreur, répression*, Éditions Robert Laffont, 1997 (груз. пер. Tbilisi 2010).
- Fernández García A., *Auge y caída del comunismo*, “Cuadernos de Historia Contemporánea” 1999, núm. 21, с. 107–146.
- Fitzpatrick S., *The Russian Revolution. 1917–1932*, New York 1979.
- Гоббс Г., *Сочинения*, в 2 т., Москва 1991.
- González Calleja E., *Los totalitarismos. Editorial Sintesis*, Madrid 2012.
- Gregory P., *The ship of philosophers. How the Early USSR dealt with Dissident Intellectuals*, “The Independent Review” 2009, Vol. 13, No. 4, с. 485–492.
- Jünger E., *Die totale Mobilmachung*, Berlin 1931.
- Какучая В.А., *Воспоминания*, Москва 2008.
- Кант И., *Сочинения*, в 6 т., Москва 1966.
- Kershaw I., Lewin M., “Afterthoughts”, *Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison*, Cambridge 1997, DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511815775.016>.
- Kohn H., *Communist and fascist dictatorship: A comparative study*, [в:] *Dictatorship in the Modern World*, ed. G.S. Ford, Minneapolis 1935, с. 141–160.
- Kotkin S., *Stalin*, New York 2014.
- Mawdsley E., *The Stalin Years. The Soviet Union 1923–1953*, Manchester – New York 1998.
- Meier H., *Totalitarianism and Political Religions*, Vol. 1: *Concepts for the Comparison of Dictatorship*, London – New York 2007.
- Montefiore S., *Stalin: The Court of the Red Tsar*, London 2003.
- “Nueva luz sobre los procesos de Moscú”. *Appéndice*, [в:] W. Laqueur, *Stalin. Revelaciones*, Buenos Aires 1991.
- Рейфильд Д., *Сталин и его подручные*, Москва 2008.
- Preti L., *El desafío entre democracia y totalitarismo: evolución de los regimens políticos desde el final de la Primera Guerra Mundial hasta los añosochenta*, Barcelona 1983.
- Schapiro L., *Totalitarianism*, London 1972.
- Totalitarianism and Political Religions*, eds. H. Maier, M. Schäfer, London – New York 2007.
- Земсков В., *Кулацкая ссылка в 30-е годы*, «Социологические исследования» 1991, №10, с. 3–20.

SUMMARY

In the article we describe the organization and the realization of the Great terror in Georgian SSR. Based on the materials kept in the Archive of the Ministry of Internal Affairs of Georgia, the detailed mechanism and the method of accomplishing of terror is evaluated. Of particular historical interests are the evidences received from the former NKVD official, repressed on the final stage of the terror. In the end the final conclusions are presented.

Keywords: great terror; Georgian SSR; NKVD; mechanism and the method of terror